

ЭВОЛЮЦИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОСЛЕ КЕЙНСА

Научный мир отмечает знаменательные даты — 60-летие со дня смерти выдающегося английского экономиста Дж. М. Кейнса и 70-летие выхода в свет его знаменитой работы «Общая теория занятости, процента и денег». Прошедшие годы стали временем глобальных перемен, наступивших по окончании Второй мировой войны. Экономический рост в развитых странах, который ускорился благодаря кардинальным реформам, осуществленным во многом на основе кейнсианских рецептов; последние усилия планового социализма «догнать и перегнать», завершившиеся его полным крахом и началом создания рыночной экономики в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве; подъем консерватизма и серия кейнсианских «контрреволюций» — все эти события стали подлинным испытанием на прочность и долговечность идей Кейнса, его проницательности и способности предвидеть будущее.

Современная экономическая теория немыслима без того вклада, который внес Кейнс, и прежде всего — без созданной им новой области исследований — макроэкономической теории, положенной в том или ином виде в основу макроэкономической политики правительств всех стран с рыночной экономикой. «Общая теория...» Кейнса, а также множество других работ — ныне они составили 33 тома полного собрания его сочинений — стали для одних неисчерпаемым источником вдохновения и поисков новых возможностей применения его теоретических принципов в условиях меняющейся действительности, для других — объектом критики, а для всех вместе — поистине движущей силой современного развития экономической теории в целом. Уникальна судьба «Общей теории...»: по сей день эта книга остается наиболее часто цитируемым произведением современной экономической литературы. Как писал когда-то известный экономист и сторонник кейнсианства Дон Патинкин, «в истории современных экономических идей „Общая теория...“ Кейнса знаменита не только революцией, которую она вызвала в макроэкономике, но и легендарными дискуссиями, сопровождавшими ее появление»¹.

Как раз на фоне этих «легендарных дискуссий» мы и попытались представить основные этапы эволюции кейнсианства, в котором, как и в экономической политике, за последние десятилетия произошли весьма серьезные изменения.

Взлет и закат ортодоксального кейнсианства

Работа Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», увидевшая свет в 1936 г., буквально перевернула современную сму

¹ Keynes, Cambridge and the General Theory / Ed. by Don Patinkin and J. Clark. Leith., L.: Macmillan, 1979. P. vii.

(неоклассическую) теорию. Это событие, как известно, вошло в историю под названием «кейнсианской революции». Фундаментальная идея Кейнса состояла в том, что зрелая капиталистическая экономика не способна эффективно использовать имеющиеся у нее хозяйственные ресурсы (отсюда кризисы и безработица), а потому нуждается в государственном регулировании.

Послевоенное развитие кейнсианства было связано с именами таких крупнейших экономистов, как Э. Хансен, П. Самуэльсон, Р. Харрод, Н. Калдор и др. Главная особенность кейнсианской теории заключалась в том, что она строилась прежде всего как макроэкономическая теория, рассматривающая функционирование экономической системы в целом. В центре анализа оказались факторы, определяющие уровень и динамику эффективного спроса, к числу которых относятся расходы на личное потребление, частные инвестиции, а также государственные расходы.

— Все главные компоненты этой теории — потребление, инвестиций, общая величина национального дохода, государственные расходы (как и модели экономического роста и цикла, которые строились и верифицировались на базе общей кейнсианской теории) рассматривались в зависимости от изменений уровня спроса. Более того, первоначальная теория Кейнса, или *теория равновесия с неполной занятостью*, стала трактоваться как часть более общей неоклассической теории равновесия, отчего вся конструкция получила название *неоклассического синтеза*. Подобное соединение было довольно искусственным, но тем не менее именно оно определило суть ортодоксальной версии кейнсианства. (Это дало повод многим последователям теории Кейнса выступить с острой критикой такого синтеза и заняться восстановлением «истинной» версии его теории.)

В 1950—1960-е годы кейнсианская модель стала общепризнанным теоретическим обоснованием стабилизационной, антициклической политики государства. В ней предусматривались активные действия правительства, направленные на расширение совокупного спроса в периоды кризисных спадов и его ограничение в фазах экономического подъема и вызванного им роста цен. Главными инструментами такого регулирования были признаны бюджетная политика — налоги и государственные расходы, бюджетный дефицит, а также подкрепляющие ее инструменты денежно-кредитной политики, проводимой центральными банками (регулирование процентных ставок и банковских резервов, операции на открытом рынке). Согласно стандартной кейнсианской модели, денежно-кредитная политика должна была приспосабливаться к бюджетному механизму регулирования и дополнять его. Не стоит забывать, что в этой модели анализировалась экономическая система с минимальной открытостью, с фиксированными валютными курсами (в соответствии с Бреттон-Вудскими соглашениями 1944 г.) и жесткими ограничениями на движение международного капитала.

Объясняя подобную структуру инструментов экономической политики, П. Кругман и М. Обстфельд писали: «Фиксируя валютный курс, центральный банк отказывается от своей способности влиять на экономику посредством денежно-кредитной политики. Однако налого-

во-бюджетная политика при этом становится более мощным средством влияния на выпуск и занятость»².

Считалось, что экономическая система реагирует на изменения денежного спроса скорее изменением реального уровня производства, чем изменением цен. Такая концепция регулирования предполагала, во-первых, отказ от идеи сбалансированного бюджета в качестве главного ориентира финансовой политики правительства, во-вторых, разработку теории воздействия бюджетного дефицита на динамику производства и, в-третьих, новое понимание роли денежно-кредитной политики как инструмента, призванного поддерживать бюджетную политику.

Кроме того, согласно кейнсианской теории, бюджетный дефицит способен породить два эффекта — краткосрочный и долгосрочный. В краткосрочном плане он может вызвать рост производства (реальный эффект) либо рост цен (инфляционный эффект). Исходя из того что дефицитное финансирование осуществляется в условиях неполного использования ресурсов, кейнсианцы полагали, что реальный (производственный) эффект возобладает над инфляционным. Важную роль они придавали и мягкой денежно-кредитной политике. До поры до времени эта конструкция работала успешно. И хотя высказывались отдельные критические замечания, в том числе со стороны весьма влиятельных экономистов, теория и основанная на ней политика особому сомнению не подвергались. Вдобавок реальное развитие экономики капиталистических стран вселяло уверенность в том, что рецепты бескризисного роста наконец найдены и надо только умело их применять. Следует упомянуть и о незначительности инфляционных тенденций в то время. Опасность инфляции была недооценена, а политика роста государственных и прежде всего социальных расходов пользовалась большой популярностью; кроме того, в странах Европы государство активно участвовало в различных инвестиционных проектах. Все это еще больше укрепляло веру в кейнсианскую теорию.

Между тем тучи сгущались: росли бюджетные дефициты, давящую потерявшие свой противоциклический характер, накапливались государственные долги, денежно-кредитная политика как политика, самостоятельная задача которой состоит в оздоровлении денежной системы, постепенно ослабевала. В этих условиях начали усиливаться инфляционные тенденции, появились первые признаки замедления темпов роста и прежде всего производительности труда. В середине 1970-х годов разразился нефтяной кризис, внесший свой вклад в рост цен и общую дезорганизацию производства. Ситуацию в экономике в эти годы стали характеризовать как стагфляцию. К тому же в индустриально развитых странах возникли другие негативные явления: энергетический, валютно-финансовый и сырьевой кризисы совпали с циклическим кризисом и инфляцией.

Отмена фиксированных валютных курсов в 1971—1973 гг. и повсеместная экономическая либерализация, эрозия бюджетной политики, приобретающей все более инфляционный характер из-за чрезмерного роста государственных расходов и появления хронических бюджетных

² *Кругман П., Обстфельд М.* Международная экономика: теория и политика. М.: МГУ, ЮНИТИ, 1997. С. 492.

дефицитов, привели в конечном счете к пересмотру всей структуры макроэкономического регулирования. «Переоценка ценностей» в политике ознаменовалась началом всесторонней критики кейнсианства переросшей в подлинный кризис этой теории. Вновь усилилось влияние неоклассической школы.

Монетаризм и новая неоклассика

В этот период произошел отказ от кейнсианской теории и связанной с ней системы государственного регулирования, основанного на идее управления совокупным спросом. Всеобщее внимание привлекли иные направления экономической науки, представители которых с самого начала подозрительно относились к Кейнсу и его последователям.

Теоретическим обоснованием новых подходов к анализу экономической действительности и роли экономической политики стали концепции, созданные в рамках монетаризма и новой неоклассической школы. В их развитие внесли свой вклад такие экономисты, как М. Фридмен, Р. Лукас, Т. Сарджент и др., выступившие с острой критикой кейнсианской теории в целом и теории экономического цикла в частности, а также кейнсианской концепции макроэкономического регулирования. Фридмен разработал модель экономического цикла, ключевую роль в которой играли денежные факторы — шоки денежного предложения, вызываемые прежде всего политикой самого правительства и ведущими на самом деле не к стабилизации, а к инфляции. Отсюда его главный рецепт стабилизации экономики: необходимо поддерживать устойчивый темп роста денежной массы, который должен соответствовать долгосрочному темпу роста потенциального ВВП (3—5% в год).

Новые классики Лукас и Сарджент начали строить модели экономического цикла, согласно которым колебания совокупного выпуска продукции и занятости вызываются *реальными шоками*, резко изменяющими условия предложения. Такие шоки могут определяться не только политикой правительства, нарушающей устойчивость денежного предложения, как предполагали монетаристы, но и множеством других причин: случайными изменениями темпов технического прогресса, забастовками, природным катаклизмами и даже политическими потрясениями. В конечном счете подобные шоки выливаются в колебания относительных цен, на которые и реагируют экономические агенты, обладающие при этом всей полной информацией и рациональными ожиданиями. Данная концепция, получившая название «теория *реального экономического (делового) цикла*», была подтверждена рядом эконометрических исследований.

Среди них особое внимание привлекли модели и расчеты Ф. Кюдланда и Э. Прескотта, опубликовавших результаты своей работы в статьях начала 1980-х годов³. (Именно за эти труды оба были удостоены в 2004 г. Нобелевской премии.)

Для построения и проверки модели реального экономического цикла они использовали метод компьютерной имитации. Получилось обширное эконометрическое

³ См., например: *Kydland F., Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuation // Econometrica. 1982. No 50. P. 1345—1369.*

исследование, включающее в себя конструирование модели, ее «наполнение» специально рассчитанными данными и использование полученной расчетной траектории циклического развития для сравнения с реальными циклическими колебаниями американской экономики, которые отражались соответствующими временными рядами избранных авторами показателей. Метод компьютерной имитации применялся для того, чтобы проанализировать, как полученная таким образом базисная модель и ее итоговые показатели потребления, занятости, производства и инвестиций будут реагировать на внезапные изменения (шоки).

Анализ показал, что шоки, вызывая изменения относительных цен и тем самым влияя на поведение экономических агентов, в итоге порождают экономические колебания вокруг долгосрочной траектории роста. При сравнении расчетные данные оказались очень близки фактическим колебаниям экономики США за исследуемый период. Этот вывод, как отмечается в одной статье, посвященной теории реального цикла, оказался совершенно неожиданным для ученых, поскольку до того считалось, что производственные шоки (шоки предложения) порождают лишь небольшие отклонения от колебаний, для которых более важное значение имеют шоки спроса или же денежного предложения. Именно их теория подвергла сомнению традиционную точку зрения.

Неоклассические теории стали обоснованием нового взгляда на эффективность экономической политики правительства, призванной стабилизировать экономику и сглаживать циклические колебания, а точнее, на неэффективность такой политики. Еще монетаристы во главе с М. Фридменом выступили первыми и непримиримыми критиками кейнсианской антициклической политики, считая, что она лишь способствует инфляции, не оказывая при этом никакого позитивного воздействия на производство. Новые неоклассики еще более усилили данную линию аргументации. Выводы, сделанные на базе анализа модели реального цикла, явились для них дополнительным доказательством «вредности» кейнсианской политики экономической стабилизации. Причем особое значение в ее опровержении имела принятая всеми неоклассиками теория рациональных ожиданий.

Так, например, Ф. Кюдланд и Э. Прескотт в статье «Игра по правилам лучше дискреционной политики»⁴ доказывали, что последствия стабилизационной политики в условиях, когда экономические агенты руководствуются рациональными ожиданиями, могут оказаться совсем не теми, на которые рассчитывало правительство. Они утверждали: «Даже если существует согласованная и фиксированная функция общественного благосостояния, а политики знают, когда их действия повлекут за собой результаты и каков будет масштаб этих результатов (то есть сформулирована дискреционная политика), другими словами, даже если в нынешнем положении выбрано наилучшее решение и правильно оценена ситуация в конце периода, такая политика не обеспечит максимизацию объективной функции общественного благосостояния. Причина этого очевидного парадокса в том, что экономическое планирование не есть «игра с природой»; скорее это игра с рациональными экономическими агентами. Отсюда мы делаем вывод, что в условиях рациональных ожиданий *не существует* способа применения теории к экономическому планированию»⁵. Проблема, по их мнению, состоит в следующем: политика, которую ее инициаторы заранее рассматривают как оптимальный вариант, зачастую не может быть реализована, если она влияет на ожидания и последующее поведение экономических агентов — домашних хозяйств и фирм. Под влиянием изменений их поведения политики будут вынуждены

⁴ Kydland F., Prescott E. Rules Rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans // Journal of Political Economy. 1977. No 85. P. 473–491.

⁵ Ibid. P. 473.

пересматривать принятые решения, и итоговая стратегия регулирования окажется гораздо хуже не только первоначального варианта, но и того, который осуществлялся бы при наличии гораздо меньших возможностей для принятия произвольных (дискреционных) решений. В конечном счете избранные меры экономической политики оказываются несогласованными друг с другом по времени (time-inconsistent policy).

Изменения концепции макроэкономического регулирования экономики

Критика ортодоксальной версии кейнсианской теории, растущая популярность неоклассической науки с ее полным неприятием какого-либо вмешательства государства в экономические процессы, изменение самого характера функционирования экономики в условиях ее либерализации и глобализации явились побудительными причинами пересмотра многих позиций прежнего кейнсианства. В первую очередь эти изменения коснулись представлений о механизмах государственного регулирования экономики, необходимость сохранения и использования которых у кейнсианцев и особенно у политиков не вызывала сомнений.

Итогом этих изменений в экономической теории стали новые представления о механизмах и целях макроэкономической политики. Прежде всего были пересмотрены роль и характер бюджетной политики. Уменьшение бюджетных дефицитов, снижение темпов роста государственных расходов, проведение налоговых реформ с целью уменьшения налогового гнета и государственной задолженности — все это сократило возможности использования бюджетной политики в качестве важнейшего инструмента макроэкономического регулирования.

Главную роль в макроэкономической стабилизации стали играть денежно-кредитная политика и деятельность центрального банка, в частности политика изменения процентных ставок как основного средства стимулирования экономической активности в период спада или ограничения инфляционных тенденций, если экономика находится на подъеме. Правда, использование этого инструмента в условиях глобализации и неуправляемого движения спекулятивного капитала тоже требовало осторожности. Теперь немедленной реакцией на понижение процентных ставок или превышение государственных расходов над доходами мог стать отток спекулятивного капитала с последующим падением обменного курса и повышением импортных цен. Все это вместо предполагаемого стимулирования роста экономики и увеличения занятости на деле могло спровоцировать инфляцию.

В данной связи нельзя не упомянуть об исследованиях американского экономиста, лауреата Нобелевской премии 1999 г. Р. Манделла. Именно он разработал модель, в которой описывается зависимость бюджетной и денежно-кредитной политики от режима валютных курсов. Если режим фиксированных курсов (как это было в соответствии с Бреттон-Вудскими соглашениями) повышает эффективность бюджетной политики, снижая роль денежно-кредитного регулирования, то в условиях гибких валютных курсов (либерализации финансовых потоков) утверждает Манделл, на первый план выступает денежно-кредитное регулирование, а бюджетная политика теряет свое прежнее значение.

В то же время наибольшую известность получила его теория «оптимальной валютной зоны», которую Манделл выдвинул еще в 1960-е годы⁶. В одной из своих работ того периода, разъясняя суть данной теории, он писал: «Валютная зона — это зона, в рамках которой обменные курсы фиксированы... *Оптимальная* валютная зона — это зона, в которой обменные курсы *должны* быть фиксированы».

Далее Манделл пишет: «Подлинной валютной зоной, создаваемой в целях проведения политики стабилизации, является регион (определение которого включает мобильность факторов), отвечающий требованию: чем меньше в нем валютных пространств, тем лучше. Преимущества валютной зоны таковы: во-первых, ее участники получают полную выгоду от использования денег как единицы счета, средства обмена и накопления богатства, поскольку разные деньги всегда представляют собой неудобства; во-вторых, устраняются возможности монополистической спекуляции, поскольку корпорации, владеющие местной валютой, могут иметь больше ресурсов, чем центральные банки; и в-третьих, поддерживаются своего рода денежная иллюзия и жесткость цен, которые нужны для того, чтобы изменения обменного курса вообще стали эффективными (для их эффективности требуется, чтобы производственные факторы не вызывали немедленной компенсации денежной нормы вознаграждения за любое изменение реальной стоимости активов или реальных издержек покупки товаров)»⁷.

Развивая теорию оптимальной валютной зоны, Манделл, а вслед за ним и другие теоретики (Р. Маккиннон, П. Кенен, Д. Флеминг и др.) в итоге определили оптимальную валютную зону как такое объединение государств, в котором принимается режим фиксированных курсов или единая валюта при сохранении гибкого валютного курса по отношению к остальному миру. Предполагалось, что преимущества подобного режима превышают издержки отказа от плавающего валютного курса как инструмента макроэкономической стабилизации. Согласно данной теории, группа стран, вводящая единую валюту, получает определенные экономические выгоды вследствие более высокой прозрачности цен, сокращения стоимости экономических расчетов, снижения транзакционных издержек, уменьшения неопределенности и усиления конкуренции. Но при этом отдельные государства должны отказаться от таких инструментов экономического регулирования, как независимая денежно-кредитная политика и самостоятельное установление валютных курсов, что, несомненно, является препятствием для вступления в валютную зону. «Вступающая в валютную зону страна утрачивает способность использовать валютную и денежно-кредитную политику для стабилизации уровня производства и занятости», — подчеркивают П. Кругман и М. Обстфельд⁸. Более того, согласно этой теории, вступление в валютный союз целесообразно, если страны-участницы одинаково реагируют на внешние шоки или же если их реакция

⁶ В 1961 г. Манделл опубликовал статью «Теория оптимальных валютных зон» (*Mundell R. A Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51. No 4. P. 379–396*). Именно за эту статью он получил Нобелевскую премию.

⁷ *Mundell R. The International Monetary System: Conflict and Reform. Montreal: Private Planning Association of Canada, 1965. P. 45–46.*

⁸ *Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика: теория и политика. С. 616.*

различна, но существуют иные механизмы приспособления, присущи свободному рынку (гибкие заработная плата и цены, мобильность производственных факторов, эффективная налогово-бюджетная политика и т. п.) и выступающие в качестве альтернативы гибкости валютного курса. В противном случае выигрыш от валютной эффективности может не покрыть издержек участия в «валютной зоне».

Таким образом, требования «оптимальной валютной зоны» весьма строги и далеко не всегда могут быть выполнены на практике. Тем не менее многие сторонники этой теории, стараясь приблизить ее реальной экономической ситуации, стали склоняться к выводу, что в случае «асимметричных шоков», то есть экономического спада при усилении инфляции в отдельных странах—участницах объединения положение может быть исправлено не только благодаря мобильности рабочей силы, гибкости заработной платы и цен, но и путем перераспределения финансовых ресурсов, осуществляемого центральным денежным органом данной «зоны». Эта теория впоследствии была признана в качестве концептуального обоснования при формировании единого валютного пространства в рамках Европейского союза.

Интересно, что еще в 1960-е годы Манделл писал: «Развитие политических экономических отношений в границах общего рынка наряду с растущей миграцией населения, свободой движения капитала и постепенным снижением тарифных барьеров позволяет предположить, что ЕС сможет пойти по пути дальнейшей интеграции, которая неизбежно произойдет наряду с введением общей валюты или, по крайней мере, в ходе фиксации валютных курсов»⁹. Что ж, его предсказания сбылись!

Отказ от бюджетной политики в качестве главного инструмента макроэкономического регулирования и стабилизации конъюнктуры привел к созданию новых концепций организации самого бюджетного процесса. Все чаще в теоретических исследованиях стала подчеркиваться необходимость внедрения в него определенных бюджетных «правил». Речь идет о таких правилах или нормах, которые являются или могли бы служить критериями эффективности бюджетной политики. Потребность в принятии последних, по мнению многих экспертов, связана с тем, что государственные финансы большинства развитых развивающихся стран, и особенно стран с формирующейся рыночной экономикой, в течение многих лет характеризуются превышением расходов над доходами. Это влечет за собой бюджетные дефициты, рост государственной задолженности, увеличение расходов на обслуживание государственного долга, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на темпах экономического роста и стабильности денежных систем.

В последние годы под влиянием этих обстоятельств некоторые страны, как развитые, так и развивающиеся, уже ввели отдельные нормы и правила, налагающие жесткие ограничения на бюджетную политику в целях достижения макроэкономической стабильности, укрепления финансовой надежности государства и доверия к экономической политике правительства. При этом возникает целый ряд дискуссионных вопросов. Какие экономические показатели могут быть использованы для формулировки упомянутых «правил» бюджетной политики? Каковы положительные и отрицательные последствия использования данных правил по сравнению с гибкой (дискреционной) бюджетной

⁹ *Mundell R. The International Monetary System: Conflict and Reform. P. 46.*

политикой, отвечающей требованиям экономической конъюнктуры? Могут ли правила способствовать достижению стабильности и росту благосостояния в долгосрочной перспективе, не нанося ущерба краткосрочной стабильности? Заметим, что все эти вопросы находятся в рамках более общей теоретической проблемы, по которой в течение многих лет идет дискуссия: какая политика эффективнее — основанная на жестких правилах, нормах и законах или дискреционная политика, при которой решения о проведении тех или иных мероприятий принимаются в зависимости от обстоятельств, в том числе от текущего состояния экономической конъюнктуры? Многие исследователи отмечают, что в отличие от правил, используемых в денежно-кредитной и валютной политике, правила бюджетного регулирования носят более разнообразный и комплексный характер — об этом свидетельствует опыт тех стран, где эти нормы так или иначе использовались или используются. Они зависят от целей экономического регулирования, институциональной организации самого бюджетного процесса и методов осуществления бюджетной политики.

Одним из главных условий обеспечения эффективности бюджетной политики, основанной на правилах, является, по их мнению, прозрачность всего бюджетного процесса, предусматривающая открытость, правдивость и точность используемой информации. Только тогда правила будут способствовать укреплению финансовой дисциплины и порядка. В противном случае могут возникнуть нарушения и отклонения, которые вызовут эрозию самих правил.

Обобщая опыт ряда развитых и развивающихся стран, авторы одного из подобных исследований выделяют три основных типа правил, способных ограничить «произвол» правительства в проведении ими бюджетной политики¹⁰.

Во-первых, правила, требующие сбалансированности бюджета или фиксирующие предельную величину бюджетного дефицита. Они могут включать в себя: полное балансирование всех доходов и расходов (то есть запрет государственных заимствований) или ограничение бюджетного дефицита определенной долей ВВП; балансирование доходов и расходов (а также размера бюджетного дефицита); балансирование только текущих доходов и расходов (при том, что займы разрешаются для финансирования капиталовложений). Во-вторых, правила, касающиеся займов. Они могут: запрещать государственные займы из внутренних источников; запрещать государственные займы у центрального банка; ограничивать эти займы определенной пропорцией по отношению к прошлым государственным доходам и расходам. В-третьих, следует упомянуть и о правилах, касающихся размеров государственного долга или резервов. Они включают ограничение величины валовой (или чистой) задолженности по отношению к ВВП, а также определение величины резервов внебюджетных фондов (например, фондов социального страхования) в виде доли ежегодных социальных выплат.

В чем преимущества «правил» перед дискреционной политикой? По мнению многих авторов, эти преимущества состоят прежде всего в том, что именно такие нормы, утвержденные законодательно либо принятые в качестве своего рода «общественного договора», способны устранить отрицательные стороны деятельности демократически избранных правительств, склонных под давлением электората расходовать больше, чем это позволяют доходы, тем самым накапливая долги и перекладывая бремя их выплат на будущие поколения. В то же время они видят и недостатки такой бюджетной политики, которая лишается возможности гибко реагировать на различные нарушения экономической стабильности.

Ярким примером воплощения подобных «правил» в жизнь является Европейский союз, где налогово-бюджетная политика в отличие от денежно-кредитной остается под контролем самих государств—членов ЕС. Однако с самого начала в центре дискуссий вокруг бюджетной политики находился вопрос: как обеспечить бюджетную дисциплину, сохраняя при этом определенную гибкость, с тем чтобы можно было использовать бюджетную политику во время циклических спадов? Определенные правила, касающиеся проведения бюджетной политики, были предусмотрены сначала

¹⁰ Kopits G., Symansky S. Fiscal Rules: Occasional Papers No 162 / IMF. Washington, 1998.

в Маастрихтских соглашениях, а затем в Пакте стабильности (1999 г.). Маастрихтские соглашения потребовали от стран, желающих быть участниками ЕС, снижения бюджетного дефицита до 3% ВВП. Предполагалось, что такой размер дефицита способен выполнять роль автоматического стабилизатора в случае ухудшения экономической конъюнктуры в какой-либо из стран. Еще более четкие правила в области координации налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики были зафиксированы в Пакте стабильности. С одной стороны, пакт выдвинул более строгие требования в отношении бюджетного дефицита, обязывая страны ЕС стремиться к сбалансированному или даже профицитному бюджету. Но с другой стороны, пакт предусматривал, что к странам, у которых чрезмерный дефицит — свыше 3% — вызван сокращением ВВП на 2% и более, то есть в условиях экономического спада, санкции применяться не будут. Таким образом, в этих случаях признавалась антикризисная роль бюджета, хотя сроки действия данного правила ограничивались двумя годами при условии, что правительства применяют и другие корректирующие меры.

Начало нового тысячелетия обернулось для большинства развитых стран глубоким и продолжительным экономическим кризисом (2001–2003 гг.), наступившим после периода длительного роста. Для борьбы с кризисом правительствам и европейским странам, и США, и Японии пришлось привести в действие весь имеющийся инструментарий антикризисной политики, начиная с бюджетной и заканчивая денежно-кредитной. Об этом наглядно свидетельствуют данные, представленные в таблице.

Т а б л и ц а

Динамика основных инструментов макроэкономической политики

Страна	Дефицит госбюджета, в % к ВВП			Ставки процента*		
	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
США	0,5	3,4	4,6	3,7	1,8	1,4
Еврозона	1,6	2,3	2,5	4,2	3,3	2,3
Япония	6,1	7,1	7,7	2,3	0,1	0,0

* Ставка по краткосрочным кредитам в среднем за год.

Источник: OECD Economic Outlook. June 2003.

США, сумевшие в течение 1990-х годов не только преодолеть бюджетный дефицит, но и выйти на значительный профицит, после серии понижений процентных ставок, которые не принесли желаемых результатов, приняли ряд программ по увеличению государственных расходов. Профицит был «съеден» рецессией, больш того — правительство пошло даже на допущение бюджетного дефицита. Такой была цена антикризисной политики. Дефицит сохраняется и сегодня на уровне 4%, что, по мнению экспертов, должно поддержать рост экономики, начавшийся в конце 2003 г. Такую же цену уже в течение нескольких лет платила Япония, где бюджетный дефицит достигал почти 8% ВВП. Но и в настоящее время в условиях начавшегося подъема дефицит сохраняется на уровне 5% ВВП.

В Европейском союзе кризис оказался слишком тяжелым, чтобы можно было уложиться в жесткие рамки Маастрихтских соглашений. В ведущих странах ЕС особенно в Германии и Франции, бюджетный дефицит превысил установленный лимит, а как считают многие специалисты и правительственные деятели, его роль в поддержании экономического роста следует, по сути дела, реабилитировать.

Важную роль в антициклическом регулировании играла и денежно-кредитная политика. Данные таблицы показывают, как снижались средние ставки процента по краткосрочным кредитам. Такая динамика была обеспечена в первую очередь политикой центральных банков, использовавших для этой цели снижение учетных ставок, которое происходило непрерывно в США, в странах Европы и в Японии с 2001 г., то есть с начала кризиса. В США ставка постепенно снижалась с 5% в I квартале 2001 г. до 0,75% в IV квартале 2002 г., после чего по мере экономического подъема стала медленно повышаться и к концу 2004 г. достигла 2,5%. В странах ЕС, где кризис оказался более затяжным, а политика Европейского банка — более

осторожной, учетная ставка снизилась с 4,75% в I квартале 2001 г. до 2,75% к концу 2002 г. и продолжала снижаться весь 2003 год, застыв в 2004 г. на уровне 2%. В Японии кризис был особенно продолжительным и глубоким, здесь учетная ставка также снижалась: в начале 2001 г. она составляла 0,5%, к концу того же года достигла 0,1% и продолжает оставаться на том же уровне по сей день.

Шаги в сторону нового синтеза

Кризис ортодоксальной версии теории Кейнса, выдвижение на передний план неоклассической школы, новые тенденции в самих механизмах регулирования экономики — все эти явления стали причиной бурного обновления кейнсианства. Меткое название дал своей работе, посвященной эволюции кейнсианской теории, английский ученый Г. К. Шоу — «Перманентная революция»¹¹. Действительно, эта «перманентная революция» продолжается уже не одно десятилетие. Различные модификации кейнсианства выступали под разными названиями: и неокейнсианство, и посткейнсианство, и даже «левое» кейнсианство, — но дело не в названиях и классификациях. Под влиянием всех прошлых и современных модификаций набирает силу новый процесс теоретического синтеза. Еще в 1980-е годы лауреат Нобелевской премии (1981 г.), один из видных последователей кейнсианской теории — Д. Тобин писал, что идеи Кейнса переживут все контрреволюции, а тот синтез, который возникает под их влиянием, будет более приемлемым теоретически, чем прежний, «неоклассический синтез»¹². Сам Тобин внес огромный вклад в развитие этого синтеза. В своих обширных исследованиях он модернизировал многие основополагающие концепции теории Кейнса. Прежде всего ему принадлежит разработка проблемы функционирования финансовых рынков. Он значительно дополнил анализ инвестиционной функции Кейнса и установил, что уровень инвестиций зависит от соотношения оценки стоимости физического капитала фирмы на фондовом рынке и текущих издержек замещения выбытия этого капитала. Соответствующий коэффициент в литературе получил название показателя « q Тобина».

Кейнсианскую теорию «предпочтения ликвидности» (то есть стремления к хранению богатства в форме денежной наличности либо активов, способных быстро превращаться в такую наличность) он развил в рамках теории портфеля ценных бумаг. Согласно ей, каждый инвестор, выбирая между уровнем дохода и риском его потери, применяет этот критерий не только к наличным деньгам, но и ко всему спектру финансовых и реальных активов. Каждой ситуации, как считает Тобин, соответствует оптимальная структура портфеля активов. Денежно-кредитная и бюджетная политика, воздействуя на выбор структуры активов, тем самым оказывают влияние и на реальные переменные экономической системы — на инвестиции, сбережения, потребление.

¹¹ *Shaw G. K. Keynesian Economics: The Permanent Revolution. Hants: Edward Elgar, 1988.*

¹² См.: *Tobin J. Essays in Economics: Theory and Policy. Cambridge, 1982; Tobin J. Essays in Economics: Macroeconomics. Cambridge, 1987; Tobin J. Two Revolutions in Economic Policy, Cambridge, 1988.*

Этот «портфельный подход» к анализу экономических процессов и возможного влияния на них экономической политики правительства Тобин противопоставил современным неоклассическим теориям (включая монетаризм), которые доказывают неэффективность государственной макроэкономической политики.

В работах Тобина большое внимание уделяется и проблеме жесткости, то есть незначительной реакции заработной платы на изменения экономической конъюнктуры. Этот факт, по его мнению, является одной из главных причин недоверия по отношению к гипотезе рациональных ожиданий. (Согласно последней, предвидя изменения в экономической политике государства в сторону расширения спроса работники якобы способны быстро увеличить свои доходы, сводя на нет намерения правительства и превращая их всего лишь в очередной виток повышения цен.) На самом деле жесткость заработной платы позволяет, по мнению Тобина, использовать кейнсианские рецепты регулирования эффективного спроса в целях снижения безработицы и преодоления экономических спадов.

Особое значение Тобин придавал денежно-кредитной политике в качестве основного инструмента стабилизации. Денежно-кредитная политика должна ставить перед собой макроэкономические задачи по стабилизации экономики в целом, включая уровень производства и занятости. По его мнению, любые операции центрального банка не просто изменяют содержание денежной единицы (номиналистский эффект) — они вызывают изменение структуры портфеля активов вследствие того, что одни активы (облигации) обмениваются на другие (наличные деньги), с тем чтобы инвестор смог приобрести иные активы, приносящие доход. Не эти сдвиги в структуре денежных активов затрагивают и весь спектр реальных параметров: процентных ставок, обменного курса, сбережений инвестиций, темпов инфляции и инфляционных ожиданий.

История, как считал Тобин, не подтверждает вердикта, согласно которому антициклическая монетарная и фискальная политика потерпели фиаско. Жизнь слишком переменчива и сложна, постоянно поступает новая информация о возникающих изменениях в экономической системе и порождаемых ими эффектах, поэтому в политике нельзя механически полагаться на фиксированные ориентиры и правила (как предписывают монетаристы) — эти правила должны меняться в интересах достижения фундаментальных целей.

Тобин выступал за координацию денежно-кредитной политики центрального банка и фискальной политики правительства. По его мнению, они должны действовать заодно, а не противостоять друг другу. При этом западные страны также должны координировать проводимую ими макроэкономическую политику.

Тобин внес свой вклад и в анализ безработицы. Он считал, что самой серьезной проблемой современной макроэкономической политики является установление в условиях неопределенности такой нормы безработицы, ниже которой инфляция начинает расти ускоряющимися темпами (*non-accelerating inflation rate of unemployment — NAIRU*). По его мнению, главная проблема состоит в том, чтобы, учитывая эту неопределенность, сбалансировать издержки безработицы и потерь

производства, с одной стороны, и риск губительного для экономики усиления инфляции — с другой. Свою политику стабилизации правительства должны ориентировать именно на такой показатель нормы безработицы, который не ведет к усилению инфляции.

Реакцией на неоклассические теории стало появление *новых кейнсианских* теорий и моделей экономического цикла. Их разработка связана с именами таких американских экономистов, как А. Блайндер, Г. Мэнкью, Дж. Акерлоф. Оставаясь на принципиальных позициях кейнсианства, они сосредоточивают усилия на разработке *микроэкономических основ* данной теории. Считая причиной возникновения экономического цикла шоки спроса, эти ученые стремятся выяснить, какие причины мешают фирмам быстро приспособиться к изменениям спроса и восстановить равновесие путем изменения цен.

Показательно и другое. После кризиса 2001—2003 гг. возродился интерес и к прежней теории экономического цикла, основанной на изменениях спроса. В одном из последних отчетов Национального бюро экономических исследований (США) по программе «Роль экономической политики в макроэкономической теории» отмечается: «Эмпирические исследования конца 1990-х годов, использующие макроэкономические данные промышленно развитых стран, породили серьезные сомнения в способности неоклассических моделей роста дать удовлетворительное объяснение агрегатным колебаниям экономики. Реакцией стало появление новой кейнсианской парадигмы в качестве альтернативной теоретической базы для понимания экономического цикла. Ключевое различие между неоклассической и новой кейнсианской парадигмами состоит в том, что в последней присутствие различных номинальных и реальных дефектов экономической системы является убедительным основанием для проведения стабилизационной политики»¹³.

Сегодня о «некейнсианском» или «посткейнсианском» синтезе пишут многие экономисты. В качестве примера приведем оценку состояния современной экономической мысли известным английским экономистом М. Блини. В обзорной статье, опубликованной в двухтомнике «Панорама экономической мысли конца XX столетия», он пишет, что «кризис» экономической теории, о котором так много говорили и спорили в 1970-е годы, можно считать преодоленным. Блини не драматизирует понятие «кризиса», а скорее отождествляет его с «болезнью роста». «Теоретически прогресс в науке мог привести к снятию с повестки дня старых проблем, определив их как особые случаи более общей теории. Практический опыт мог показать, что одна сторона была права, а другая — нет. (Это, однако, противоречило бы известному утверждению, что от двух экономистов получите три мнения!) Возможно и то, что «кризис» в большей степени отпосылся к восприятию экономической теории в обществе, чем к ее фактическому содержанию, и при нормализации положения в экономике репутация экономистов восстановилась, а вместе с ней и уверенность в себе»¹⁴. Но

¹³ Schmitt-Grohe S., Uribe M. Policy Evaluation in Macroeconomics NBER Reporter. 2005. P. 19.

¹⁴ Блини М. Обзор современной теории // Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 174.

как ни квалифицировать состояние экономической теории того периода важно отметить, что началось обновление самой кейнсианской теории которая, отбросив некоторые устаревшие положения или искажения занялась пересмотром и развитием собственных микроэкономических оснований, объясняющих поведение цен и заработной платы.

В итоге, по мнению Блини, начался процесс выздоровления ознаменовавшийся сближением обоих направлений, формирование нового консенсуса. «То, что возникает, видимо, можно обозначит термином „некейнсианский синтез“, в котором имеет место гораздо более тесная связь между микро - и макроэкономикой, чем когда-либо со времен кейнсианской революции»¹⁵.

* * *

Сегодня в нашей стране имя Кейнса упоминается не только в студенческих аудиториях. Многие сторонники государственного регулирования экономики, независимо от того, о каких инструментах и метода регулирования идет речь, охотно апеллируют к его авторитету. Мол, сам Кейнс был за регулирование! На самом деле все не так очевидно. Во-первых, следует помнить, что кейнсианская теория и политика исходят из существования развитой рыночной экономики. Мы же находимся в стадии строительства этой экономики со всеми ее особенностями, нелепостями и трудностями. Поэтому непосредственное приложение кейнсианской теории, а тем более политики, направленной прежде всего на регулирование спроса, далеко не всегда адекватно нашей ситуации.

Во-вторых, переходная экономика требует особого отношения государственной политике, поскольку это период одновременно и ломки старой системы управления, и создания государством новой институциональной инфраструктуры (норм поведения, законов, органов контроля и правоприменения, охраны прав собственности и т.п.), без чего рынок превращается в «дикое поле» разбоя. Кроме того, переходная экономика требует проведения активной структурной политики. Все эти проблемы непосредственного отношения к кейнсианской теории не имеют.

Наконец, говоря о кейнсианском инструментарии экономической регуляции, следует помнить, что ни Кейнс, ни его единомышленники не выступали за использование таких рычагов, как государственная собственность и государственное предпринимательство. Правда, сам Кейнс в «Общей теории...» допускал (не забудем, что это писалось в разгар Великой депрессии 1930-х годов), что «достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой. Но, помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества. Не собственность на орудия производства существенна для государства»¹⁶.

¹⁵ Блини М. Обзор современной теории. С. 178.

¹⁶ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс 1978. С. 453.